

мении прожила въ этой странѣ. Такъ какъ мнѣ никогда не говорили, гдѣ я родился, я догадывался, что родина моя Италия, а когда я узналъ, что ѣду туда, то былъ увѣренъ, что долженъ узнать хоть часть того, что отъ меня скрывали. Теперь я узналъ все, насколько бѣдная мать моя сама знаетъ; а такъ какъ это и до васъ касается, я долженъ постараться объяснить вамъ всѣ подробности. Дорогая Фанни, надѣюсь, что, узнавъ ихъ, вы изъ-за этого не будете обо мнѣ ни худшаго, ни лучшаго мнѣнія. Въ сущности, я боюсь послѣдняго. Мнѣ хотѣлось бы вѣрить, что никакое случайное обстоятельство не можетъ поставить меня въ вашемъ мнѣніи выше, чѣмъ я стою въ силу моихъ личныхъ качествъ».

Тутъ онъ разсказалъ ей исторію брака матери и собственнаго рожденія. Прежде чѣмъ они доѣхали до Рима, гдѣ жилъ герцогъ ди-Кринола, въ настоящее время членъ итальянскаго кабинета, мать передала сыну все, что знала, безсознательно обнаруживъ передъ нимъ, во время этого разсказа, свое желаніе остаться въ неизвѣстности и продолжать носить имя, которое носила въ теченіе двадцати-пяти лѣтъ; но въ то же время такъ устроить, чтобъ онъ возвратился въ Англію съ титуломъ, на который, по ея мнѣнію, рожденіе давало ему право. Когда, обсуждая этотъ вопросъ, онъ объяснялъ ей, что ему, несмотря на его громкое имя, по прежнему необходимо будетъ зарабатывать себѣ хлѣбъ въ качествѣ почтамтскаго клерка, старался доказать ей, какъ нелѣпо будетъ ему засѣдать въ отдѣленіи мистера Джирингэма за однимъ столомъ съ Крокеромъ и, въ то же время, называться: герцогъ ди-Кринола, она, въ своихъ доводахъ, выказала слабость, которой онъ отъ нея не ожидалъ. Она говорила, въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, но съ увѣренностью, о леди Франсесъ, о лордѣ Гэмпстедѣ, о маркизѣ Кинсбѣри и о лордѣ Персифлажъ, точно благодаря этимъ знатымъ лицамъ герцогъ ди-Кринола могъ найти возможность жить въ праздности. Обо всемъ этомъ Роденъ не могъ говорить, въ своемъ первомъ письмѣ къ леди Франсесъ. Но на это-то онъ и намекалъ, выражая надежду, что она не будетъ о немъ лучшаго мнѣнія изъ-за новості, которую онъ ей сообщалъ.

«Теперь, — писалъ онъ далѣе, — мы гостимъ у дяди; полагаю, что я въ правѣ такъ называть его. Онъ очень любезенъ, такъ же какъ жена его и молоденькія дочери, мои кузины; но мнѣ кажется, что онъ не менѣе моего желаетъ, чтобъ въ семьѣ не было призванной линіи, старше его собственной. Онъ, въ глазахъ всей Италии, герцогъ ди-Кринола и останется имъ, приму ли